

ГОИТ

Газета о нашей гимназии

27 апреля 2024 года № 12 (298)

Поездка в Петербург в 11 классе – это встреча со «знакомым незнакомцем»: столько уже прочитано об этом удивительном городе на уроках литературы, столько изучено на уроках истории, что делает любую прогулку по городу своеобразным погружением в миф. В своих воспоминаниях о последней школьной поездке в Петербург ученики 11 гуманитарного класса 48 параллели перелистывают страницы вечного романа об этом городе и расцветивают его своими эмоциями.

О поездке в Петербург

«Возьми на радость из моих ладоней немного солнца...»

О. Мандельштам

Давно в воображении, в полусне я представляла себе последнюю поездку с классом в Петербург. Мне казалось, что непременно там должен быть дождь. Дождь, напоминающий даже не слезы, а аплодисменты, которые заканчивают длинную и очень разную хронику. Чтобы шел дождь, а мы все вместе стояли вместе в закрытом темном питерском дворе, чтобы с желтых стен текла вода... Но единственный дождь, который я помню, - это дождь в Михайловском, когда Даша и Аня прыгали на поляне, мальчики были наигранно злы, потому что промокли до нитки, когда ходили за водой, а Дашин папа опрокинул холодную, дождевую воду с кухонного навеса прямо мне на спину...

Только после этой поездки я почувствовала, что всё-таки декадентские мечтания призрачны и поверхностны для меня, они - маска, за которой скрываются искренность, свет и стремление к счастью, они отражают начальный этап «пути зерна», закопанного в землю.

«Он - весь дитя добра и света, он - весь свободы торжество» - так я почувствовала внутреннюю силу Серебряного века благодаря живым рассказам тех, кто занимается сохранением истории, любит и знает стихи Блока, Мандельштама, Гумилева. Остановка у тюрьмы «Кресты» с мученическим памятником Ахматовой, история репрессий, сюжет о небольшом и тоже трагичном подземном мире «Бродячей собаки», память о всём,

что мешает возвращаться «зерну», то есть память о несчастиях прошлого является почвой для любви и сочувствия к ближнему в настоящий момент. Благодаря такому новому осознанию значения памяти, Петербург Достоевского, смешавшийся с Петербургом андеграунда 60-90-ых, банями Шарлотты Корде на улице Марата-Леннона, с иронией и смехом Натальи Викторовны Черновой, с приключениями на лестницах, с бегами и подкарауливаниями «бабуль», в озарении солнца показал мне не inferнальный миф, не свою мрачную сторону порока, а смог передать любовь к человеку, побывательски или по-фаустовски ищущему и не всегда кающемуся.

Не могла представить, что буду принята чуждым для меня пространством Петербурга. Но уникальное совпадение с людьми, встретившими нас там, мой личный восторг от выставки про балет, которая сопровождалась музыкой, и, самое главное, родная мимика лиц, общее предвкушение совершенно новой жизни сделали поездку очень светлой. И когда поздно вечером мы стояли в холле гостиницы и опрашивали (на камеру, естественно!), какое у кого место в поезде, то Илья, конечно, ответил на этот вопрос каламбуром: «Под солнцем». Ирония и самоирония спасительнее дружбы, любви, искусства, на мой взгляд, потому что все наши чувства, мнения, впечатления субъективны, действительность страшна, восприятие ограничено, контекста и знаний всегда не хватает, всё мифологизируется, стремится казаться важнее, чем есть на самом деле, потом в итоге опошливается и не радуется. А если мы счастливы, то мы исполняем заветы, во-первых, Бога, во-вторых, большинства писателей, и, в-третьих, Натальи Викторовны Черновой, которой мы пообещали и ещё кое-что...

Маша Нестерская, 11 «Г» 48 параллель

В Петербурге мы сойдемся снова...

*Мы столкнемся снова в этом городе
Северном, впитавшем море слез,
Для чужих – купающимся в золоте
И покрытым легким флером грез.*

*Мы пройдем как тени в башню старую,
Встанем там тихонько на карниз.
Ты прочтешь мне «Незнакомку» странную,
Свесившись, как Блок когда-то, вниз.*

*Проведешь меня за руку на Фонтанку
В комнату, где были сожжены
«Реквиема» части, как обманка
Для крыс-разносчиков и страха, и чумы.*

*В кабаре «Бродячая собака»
Мы войдем с тобой, не торопясь,
И на сцене, выступив из мрака,
Маяковского прочтем, смеясь.*

*В Петербурге мы сойдемся снова,
В этом городе соборов и мостов.
Серебряный месяц с полуслова
Свяжет нас с тобою вновь.*

Наташа Жигарева 11 «Г» 48 параллель

*«И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл...»*

А.А. Ахматова

Поздний вечер. Концерт в Анненкирхе - сгоревшей, но восставшей, словно Феникс из пепла, лютеранской церкви. Некогда торжественная лестница, как во дворце Юсуповых на Мойке, сейчас напоминает кряжи старого дуплистого дуба. До сих пор внутри стоит сырой запах холодных, местами подернутых плесенью стен, слегка смешанный с сухостью пыли. На меня смотрят серые, обшарпанные стены с отслаивающимися кусками штукатурки, которые, как старая, огрубевшая кожа, сходящая с заживающей раны, обнажают грязно-белый цвет строения. На черном от копоти и гари потолке, небрежно замазанном все тем же черным цветом, видны взбухшие, местами лопнувшие волдыри краски. Наступила тишина...

И вдруг в полумраке на стенах, на потолке заплясали яркие проекции диковинных цветов, загадочные бесформенные кляксы, то сужаясь, то расширяясь, проглатывали друг друга, возникали едва угадываемые очертания пепельно-серого, как лунная пыль, города! Того самого города, от которого меня отделяла лишь стена церкви.

Петербург как двуликий Янус: холодность не мешает сверкать солнцу, серость и однообразность не делают его здания менее помпезными, что вовсе не мешает им скрывать уютные итальянские патио - одинокие обитатели меланхоличной «Лунной сонаты» Бетховена. Парадный и величественный Петербург, «полночных стран краса и диво» скрывает в своем чреве, как пожирающих своих детей Кронос, бедные трущобные районы - последнее пристанище Мармеладовых.

Настроение Петербурга постоянно меняется, он предстает перед нами в различных ипостасях - то холодный и хмурый град Петра, вознесшийся «из тьмы лесов, из топи блат», порождение морской бури, то Вальгалла Рихарда Вагнера, то утопающая в

золотых листьях лиричная осень Вивальди, то тонущий в серых водах галеон, то, наоборот, побеждающий стихию «сей целомудренно построенный ковчег». А может быть, Летучий голландец - предвестник горя, утрат и неминуемой гибели?

Даже погода представляет собой загадку - то изнуряющая, заставляющая бредить, жара Достоевского, то промозглый и серый день Гоголя, то «перламутром и яшмой» светящийся день, то «шершавопыльный - сер гранит». Петербург напоминает русалку, вынырнувшую из холодных вод, красота которой осталась нетронутой, но ледяное дыхание обжигает кожу. Петербург - музыкально-поэтическая палитра. Символом богемной, эстетской жизни по праву считается кабаре «Бродячая собака», где «захребетник лишь трепещет на пороге новых дней». Ощущение быстротечности жизни находит свое отражение в вакхическом монмартрском танце - канкане. Здесь звучит увертюра к Бизе «Кармен», олицетворяющая свободную, ничем не ограниченную Любовь. Всеми присутствующими движет стремление ухватить улетающую птицу жизни, испить кубок земных радостей и восторга. Но вот музыка переменилась - звучит уже не та легкая и беззаботная «Кармен», а пронзительные «Пляски смерти» Сен-Санса, напоминающие «Танец» Матиса. Собравшиеся инфантильно, по-детски наивно закрывают глаза, стараясь спрятаться от приближающегося Конца. В своей погоне взять от жизни все они напоминают пирующих под покровом ночи царедворцев Тиберия с картины Семирадского. И вот ноты становятся выше, надрывно звенит струна скрипки... замирает - кажется, вот она - Бездна, но вдруг возвращается привычная нежность флейты - наступает облегчение. И продолжается игра в жмурки со Смертью, с языческим Роком. Безудержная, беспричинная радость Жизни и в то же время намеренное пренебрежение ею - вот он декадентствующий дух агонизирующей эпохи, бесшумно соскальзывающей в темную бездну как шелковая салфетка, упавшая со стола.

Хароном двух миров стала Ахматова. Символ ее жизни - памятник, поставленный напротив печально знаменитых Крестов. На судьбу этой хрупкой, сублильной девушки поставил клеймо палач, имя которому двадцатый век. «А здесь, в глухом чаду пожара/ Остаток юности губя,/ Мы ни единого удара не отклонили от себя» - слова, которые следовало бы написать на ее памятнике. Действительно, приняв тяжелое решение быть со своим народом «там, где ее (мой) народ, к несчастью, был», Ахматовой оставалось жить, как завещал ее покойный муж, «лишь из-за одной мечты»: «Искать увянувшие розы и слушать мертвых соловьев». Жизнь поэтессы-мученицы - это протяжный, траурный «Реквием» Моцарта - панихида по Николаю Гумилеву, расстрелянному в застенках тюрьмы, по Николаю Тунину, замученному в сталинских лагерях, по прежней России, которую она знала и горячо любила, по беззаботной молодости, сгинувшей в пучине двух революций. Но в то же время, это еще и слезная молитва матери, «кидавшейся в ноги палачу», стон стомиллионной страны, когда «безвинная корчилась Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных марушь».

И наконец, последним отголоском уходящего «постыдного столетия» был... кот, а вернее - полтора кота. Жизнь Иосифа Бродского в Ленинграде - «Лакримоза» Моцарта. Это смесь горечи человека, которого не принимает своя собственная страна, и бутафорского, пародийного суда за тунеядство, и памятника «к любви своей потерянной - лицом», и плача матери, которой никогда не суждено будет увидеть своего любимого сына-изгнанника. Опустевшим полутора комнатам суждено было стать кельей страданий стариков-родителей. Никогда больше здесь не зазвонит телефон, бережно оставленный на кровати...

А на потолке и стенах Анненкирхе продолжали танцевать проекции капель дождя, вырастать и исчезать силуэты людей, растворяющихся в молочной дали, как тающие на жаре марципановые фигурки...

Александр Никитин, 11 «Г» 48 параллель

ВЕРЛИБРЫ

В Петербурге мы сойдёмся снова

О. Мандельштам

*У меня так много друзей,
Что куда бы я ни пошла,
Я всё время на них натыкаюсь,
Задеваю плечом, улыбаюсь,
И иду дальше мимо, туда,
Где никто обитать не захочет,
Но и там нахожу я друзей.*

*У меня так много друзей,
Что мы встречаемся на Литейном,
На Лиговском и на улице Леннона.
Мы приходим в одни и те же подвалы,
В те же подвалы, в которых друг на друга
Натыкались художники и поэты,
Не платившие за извозчика.*

*У нас так мало друг друга,
Что мы сбиваемся вместе,
В одних и тех же местах,
В одно и то же время,
Узнаём родные выражения лиц,
И, едва завидев, бежим друг к другу,
Боясь потеряться навеки.*

Пространство сделано из коридора и кончается счётчиком
И. Бродский

*Мария и Иосиф жили в шалаше.
В том самом, в котором с милым рай.
В походем на тот, что я строила из подушек,
Сумок, чемоданов, зонтиков и коробок,
И, вооружившись коробкой печенья,
Включала битлов на полную, чтобы
Завершить это только моё мироздание.
А Мария с Иосифом слушали Баха,
Конечно, они же серьёзные люди,
Хоть и живут в полудомике из полукоробок.*

Даша Сотникова, 11 «Г» 48 параллель

Меланхолия

*Чёрные воды застывшей Невы
Медленно точат гранит.
Шар бесполезный и слепо-бессмысленный
В воздухе глупо висит.*

*Каменный город с судьбою изодранной,
Боль мне поведай свою:
Русской тоскою часы здесь изглоданы.
Тихо минуты идут.*

*Каменный памятник, мхом весь поросший,
Бросил свои ты труды —
Мерно минуты тебе отбивают
Пляски чугунной Невы.*

*Нет здесь надежды, кончились чаянья:
Групп монумента стоит.
Где-то в подвале горько, отчаянно
Пёсик бездомный скулит...*

Иван Шмаков, 11 «Г», 48 параллель

В Петербурге мы сойдёмся снова

*Пройдёт много лет, и полковник Аурелиано Буэндия,
стоя у стены в ожидании расстрела,
вспомнит тот далёкий вечер, когда отец взял его с собой
посмотреть на лёд.*

Г. Г. Маркес, «Сто лет одиночества»

В Питере хорошо, потому что можно вцепиться в канавку и пойти-поехать отсчитывать шаги, играя в Раскольников, - пробовать себя в его роли, возомнить себя бледным студентом, носящим дурацкую циммермановскую шляпу на склонённом черепе и великие думы в худой груди. В Питере хорошо, потому что можно встретиться с бутафорским Петром, по-кошачьи пригревшимся на солнце, щёлкнуть его исподтишка, радоваться,

даже подумать пригласить его к себе - Анне - на ужин, но потом вспомнить, что это было с другой статуей, да и встречи со статуями ничем хорошим не заканчивались, радоваться, а потом самой так же по-кошачьи подставить лицо лучам солнца, а ноги - лучам улиц, чтобы, как та, конечно, уже самая последняя льдина на Неве, которая мне так понравилась, поплыть по городу. В Питере хорошо, потому что можно плыть, шагать, нырять в дворы-колодцы и колодцы собственных фантазий, пока на тебя не наорут уже не бутафорские, а самые настоящие Миколка и Митрий, только почему-то не у старухи, но, видно, всё смешалось в доме Раскольникова. В Питере хорошо, потому что можно идти-идти по всё той же канавке, но уже не на пробу и уже не бледным студентом, а веселыми школьницами, которые не хотят отдавать свои билеты в рай или убивать старушку, а просто идут всё к той же старушке, но за счастливым билетиком. В Питере хорошо, потому что счастливый билетик-то ты отхватываешь, да какой - с процентом! - в доме старушки можно, оказывается, познакомиться не только со старушкой, но и с настоящим, не бутафорским, а - правда-правда - взаправдашним актёром, проболтать с ним больше часа, огорошив его как обухом по голове - ну эту-то деталь позвольте оставить в доме у старушки, реквизит-то за полтора года не разобрали! - парой новостей, а потом, сжав свои счастливые билетики, побежать на автобус, чтобы проехать на нём без билета, не потому что денег нет или есть, но под камнем, а просто так - разве это не весело? В Питере хорошо, потому что тут можно поиграть в совсем-совсем взрослого и «всё большое далёко развеять»! Да разве может быть в Питере плохо?

В Питере солнце бывает редко, очень редко, вообще, это нам исключительно повезло, как будто мы люди необыкновенные и рядом с нами «невозможное возможно». Да, в Питере солнце бывает редко, но когда оно выходит, то ты плывешь под ним гордой льдиной, не думающей, что она растворяется в водах Леты, в песне Лорелеи, а радуешься так, как могут радоваться целых полтора кота, целых человек двести. В Питере солнце бывает редко, но оно даже и не нужно, потому что ты всё равно

подставляешь своё лицо лучам улиц, лучам бледного студента, который, вопреки своей мрачной скорби, всё-таки, наверное, послушался совета и стал солнцем, во всяком случае, мы ориентировались на него, плавая по городу. В Питере солнце бывает редко, фонарей много, фонари и рампы, рампы и фонари обнимают тебя со всех сторон, так что лучики от льдинки скачут по всем домам, выглядывают из всех подворотен, забрасывают двойников во все закоулки города и тебя самого. Забрасывают к бледному студенту, к молодым актёрам, раздающим счастливые билетки вместо старушек, и котам, забрасывают на «прокопченные высокие галереи», откуда ни я, ни мой двойник, ни кот, ни бутафорский Пётр, ни даже настоящий Пётр не увидят не только «знаменитой Феды», но и Сирано, но что ж одно грустное ворошить, ведь это ещё не последняя льдинка, пока другие ещё чинно плывут, им пока таять рано, а мне вот говорить уже поздно, потому что звоночек звенит уже не первый раз, не первый раз вызывает во мне дрожь, дрожь желания знать о твари дрожащей и о праве заглянуть за порог - за грань рампы - и негодовать, почему отмыли кровь - зачем пришли маляры и замазали пятна клюквенного сока? Звоночек звенит, потухла лампа, а рампа ещё не загорелась, в растянувшемся моменте между двух огней - в небольшом туннеле на железной дороге, везущей кого-то в город-призрак, в город-мечту, в Петербург или в Москву, куда-то ли ещё, не знаю, - в темноте вдруг льдинка становится очень тонкой, к ногам подступает студёная вода всего большего или, наоборот, детского - не знаю - студёная вода, которую нет-нет, а однажды я глотну, но пока я только стою на тоненькой льдинке и переминаюсь с ноги на ногу, думаю о бледном студенте, актёре вместо старушки, котам, бутафорском и взаправдашнем Петре, малярах и о всех-всех-всех, кого можно нащупать в этой темноте между двух огней, стоя на тающей льдинке.

Анна Юфрякова, 11 «Г» 48 параллель

Последняя практика

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда –
Пусть дни твои безумьем обернутся,
И пробежит по венам пусть свобода.

И крышу пусть срывает от веселья,
Когда тайком, под натиском прохожих,
Врываешься ты в книжную обложку
И проживаешь жизнь героев схожих.

И солнце заливает светом ярким
И тычется в глаза задорным смехом,
В ушах – наушник, а в руках – безделье,
И хочется кричать назло помехам.

С тобою за руки хочу держаться,
Ведь ты со мной, и в этот миг безумный
Спасибо, что ты рядом! Я запомню
И запишу в альбоме голос шумный.

На камеру снимать смешные лица
И слушать на концерте скрипку,
А после засыпать в обнимку –
С тобой могу я делать что угодно!

И мы с тобой бок о бок столько жизней,
Что проживаю каждую с восторгом!
И в этом городе мы отразимся –
Напишем в небе имена осколком.

И пусть потом холодная погода,
И ветер бесится под капюшоном,
Нам всё равно на лица непохожих,
Мы спрячемся с тобою за вагоном.

И пусть с тобой, героем личной книги,
Нам будет суждено расстаться,
Приеду в этот город снова,
В котором душам суждено остаться.

Варя Ночвина, 11 «Г» 48 параллель

В Петербурге мы сойдемся снова,
Заберу тебя буквально на полслова.
Погляди, как в небе светит точка!
Вслушайся: стучат два молоточка!

Что-то выстукивают, что-то постукивают,
Тици-так, туки-тук!

Бах! И распахнулась дверца,
Слышишь, как стучится сердце?
Шаг на чердак –
Экий простах!

Что выстукивают? Что постукивают?
Телефон звонит. Молоток стучит.

Ты боишься? Так возьмёмся же за ручки,
Твои влажные глаза так близоруки.
Уж не знаю, видишь ли? Там кошка
Примостилась на окошке.

Эх, рабочие! Славная полиция!
С нежностью гляжу вам в лица я.

Мы пройдемся по широким улицам.
Не забуду черт твоего лица.
И на нас глядит глазами мутными
Свидригайлов с брюками лоскутными.

Погляди, как в небе светит точка!
За ворота проходи – там нет замочка.
В синих тучах лунная королева.
В Петербурге мы сойдемся снова...

Анна Тихомирова, 11 «Г» 48 параллель

Переступлю порог - я в

Я не могу сказать тебе, где буду и когда;

он на Тихом, она

где-то на севере Франции в Париже -

может быть, прилетит или нет?

Делай, что должно, будь, что будет -

мама сказала в ответ.

Где-то в этом пространстве

под крестом католика и апельсином,

где Цилла встретилась с Харибдой,

вижу профиля силуэт, на латинице А.А.

Теперь против Крестов - его же.

И где-то, в этом пространстве,

существуют нашей крови острова,

к которым я руку свою протяну

и прилечу в Истамбул, Еришалаим или,

может,

в Москву мою.

В России расстанутся навсегда, но я не верю.

Громкие города меня не слышат, но ты,

Петербург, знаешь, что раз в век,

существуя теперь нигде, но и везде,

комнат полутора переступит порог

человек,

Аня Фенстер, 11 «Г», 48 параллель

В Петербурге мы сойдемся снова...

О. Мандельштам

*В Петербурге мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
Словно детскую бескрайнюю свободу
Там сжигали пламенным огнем.*

*Пусть останутся там наши сновидения,
Наши кроткие и милые мечты;
Нам так мало нужно было света,
Чтоб избавиться от вечной мерзлоты...*

*Звонкий хохот, милые беседы -
Мне так мало стало этого сейчас.
Мы так звонко и задорно пели,
Что все тучи прятались от нас.*

*Я ведь с ними больше не поеду
Любоваться серостью домов.
И, наверно, к следующему лету
Разлетимся с разностью часов.*

*Но оставим здесь свои мечтания -
В сером городе печальных снов;
И не будем без напоминания
Перечитывать таких стихов.*

*Но давайте мы пообещаем
Иногда в столь грустный, тихий час
Открывать свои воспоминания
На странице «Питер и гумкласс».*